

MILICIA

СКАЗ О ВЕРТОЛЕТЕ

Несколько лет назад после смерти сестренки я пребывал в тяжелом душевном состоянии. Имангали Тасмагамбетов, выразив соболезнование и узнав, что я нахожусь в отпуске, предложил поехать с ним на его малую родину.

Он по приезде в Атырау, сев за руль джипа саламандрового цвета, показал мне город, а затем повез меня в Сарайшык. В областном центре начали экскурсию с нового моста, затем осмотрели памятники Бейбарсу, Курмангазы, Дине, Золотому человеку, посетили два музея, театр, новую мечеть, новые корпуса местного университета, облагороженную набережную Жаика с красивыми тротуарами и дорожками.

В Сарайшыке увидел ханский пантеон, новый музей, водонапорную башню. Оказывается, некоторые из увиденных мною архитектурных ансамблей возведены по проектам Имеке. Он заметно пополнил мои знания об истории Сарайшыка. Затем повел на раскопки, проводимые археологами на берегу реки. Здесь были найдены ценные захоронения прошлых веков, которые, чуть припозднись, были бы смыты водой. Ученые поведали об уникальных находках, найденных ими.

Я подержал в руках медный подсвечник XIII века, только что обнаруженный в толще многовекового ила и бережно переданный мне уральским археологом. Было видно, как говорится, невооруженным глазом, что изделие принадлежит ханскому окружению. Оно было повито зеленью коррозии. Я также был сильно впечатлен, увидев артефакты в Сарайшыкском музее древних изделий.

По дороге, вспомнив знаменитую шутку Хамита Ергалиева: «Даже шофер мой академик, есть ли в мире поэта сильнее меня?», мы посмеялись.

– Чем я хуже Хамит ага? У меня шофер – сам аким, поэтому, наверное, нет на свете поэта мощнее меня? – продолжил я шутливо.

– Если все акимы, сев за руль, будут также возить поэтов, показывать жизнь регионов, тогда и начнется формирование институтов демократии, – сказал Имангали на полном серьезе.

Наутро в ресторане гостиницы «Каспий», где я остановился, меня ждали Имангали и герой-космонавт Талгат Мусабаев. Было очень приятно, как Талгат, увидев меня, почтительно встал с места, обнял как давнего знакомого. Не было в нем ни капельки зазнайства, предельно вежливый, он вызывал уважение. Как говорится, скромность – первый признак величия духа.

За завтраком мы с Талгатом разговорились. Он, оказался открытым к общению, умеющим не только говорить, но и слушать, поддерживать беседу. Такое ощущение, будто мы вместе каждый день. Начав встречу с вежливого «Вы», не заметили, как перешли на «ты».

«Когда приехал? Успел посмотреть Атырау? Что увидел? Что отметил для себя? Был ли здесь раньше? Получил ли впечатления для новых стихов?». И другие подобные вопросы посыпались как из рога изобилия. Будто берет у меня интервью.

«А что было бы, если ты стал не космонавтом, а журналистом? Находился бы рядом с нами? Не уверен... Не смог бы, поэтому и рванул в космос?» По возможности пытаюсь шутливо ответить на все его вопросы.

– Вчера Имеке, сам за рулем джипа, сделал нам экскурсию по Атырау, затем повез в Сарайшык. Я поразился скульптуре, вылитой из чугуна, размером с кулак. Неизвестный творец прошлых веков изобразил жизнерадостного казахского предпринимателя сидящим в лодке и вислоусого худого с выпирающими ребрами европейца за веслами, перевозящим богатого пассажира по Жайыку. Скульптуру подняли со дна реки. Это надо видеть! Ее можно было бы назвать «Богатый и бедняк». Представим, как бы она смотрелась, если ее увеличить. Эх, вылить бы памятник из бронзы и поставить в Астане. Ведь это жизненные реалии средневековья, – поделился я своими впечатлениями.

– В прошлый раз, когда приехал вместе с семьей, и нам показали Сарайшык, но такую скульптуру не видел. Да, очень интересно, – проявляя искреннее любопытство, Талгат стал расспрашивать подробности.

– Ее нашли недавно, ты должен посмотреть, – предложил Имангали.

– Таке, по сравнению со мной вы, оказывается, еще многого не видели в Атырау? Вы не ездили на машине с шофером по имени Имангали? – пытался шутить я. Уловив по взгляду космонавта, что он не все понимает из сказанного мною, решил продолжить. – Вчера Имеке, оставив своего водителя дома, сам за рулем показал все местные достопримечательности. В прошлый ваш приезд, кто был вашим шофером? – спросил я.

Талгат Мусабаев оказался юморист еще тот:

– Имеке тебя, как поэта, возил на четырехколесной машине по земле, а меня, как летчика, он предпочел перемещать по небу на вертолете. Очевидно, есть разница между небом и землей.

– Вчера он сам водил машину. А в прошлом году он лично не поднимал, наверное, вертолет в небо? – не сдавался я.

– Имаш? Он сел на место пилота. Хотел у него попросить штурвал, но, увидев искорки в его глазах, подумал – «пусть полетает». Таким образом, всю область мы облетели на вертолете. Улугбек, я тебе вот что скажу по секрету. Все говорят обо мне, как о герое, несколько раз побывавшем в космосе, мол, Герой России, Герой Казахстана. Пусть говорят, но в тот раз сильно испугался, – засмеялся Талгат.

– Е, чего испугались? Вертолет ведь не автомашина. Имеке не смог управиться с ним?

– Нет, Имаш управлял безупречно. Virtuoz, настоящий летчик, не хуже любого аса. Бог знает, как и где он научился этому делу? Если человек талантлив, то талантлив во всем! Вот, где настоящий аким. Однажды, кстати, он был у меня дублером.

– Как дублером?

– Это было время, когда Тохтар только полетел в космос. Мы с ним купались в лучах славы и народной любви. Пару раз нашу поездку по регионам возглавил Имангали. Он тогда был министром по делам молодежи. Однажды в Кызылорде я неожиданно разболелся, поднялась температура, не смог идти на встречу с общественностью. На нее вместе с Тохтаром пошел Имангали. Один горожанин, жена которого родила ему сыновей-близнецов, запеленав их, принес детишек на эту встречу. Он попросил космонавта провести ритуал имянаречения.

– И как потом?

– Организаторы представили Имангали отцу малышей как Талгата Мусабаева. Внешность схожая, оба смуглые. А дальше, Имаш, расскажи сам...

– Ладно, все по порядку, – начал Имангали. – Признаться было неловко, когда меня представили как «дублера космонавта Талгата Мусабаева». Но когда ребенка поднесли ко мне, сказать, что «Я не Талгат Мусабаев» – не нашел возможным. Поэтому у меня не было выбора, кроме как объявить:

– «Твое имя Талгат, твое имя Талгат!» и так трижды прокричал я «свое» имя. Таким образом, был вынужден совершить азан. И предстать перед широкой публикой «дублером дублера», сыграть его роль.

– Так Имаш оказался моим «дублером». Он показал свои способности и за штурвалом вертолета.

– Тогда, чего Вы испугались?

– Тот вертолет был очень старый. Вот-вот развалится. К тому же при полете его тянуло на одну сторону. Часто-часто подрагивал, то есть вибрировал. Глядишь, рассыплется на глазах. Трудно передать мой страх. Честно, я перепугался не за себя, а за семью. Когда получил приглашение в Атырау от благородного Имаша, то взял собой всех моих близких. Решив, пусть они увидят и другие регионы своей земли, еще больше узнают казахские традиции. Ведь тогда случись беда, то в одно мгновение погибли бы все. На руках у меня был еще новорожденный малюсенький внук. Сладенький такой. В первую очередь испугался за него. Однако Аллах миловал. Пронесло. Я в космосе так не боялся.

– Получается, что в космосе более безопасно?

– Нет, дело не в этом. В космосе ты рискуешь только собою. Погибнешь, в живых останутся твои близкие. И это успокаивает тебя. А здесь вся твоя семья, самые близкие и дорогие. Конечно, страшно. Имангали, где тот вертолет? Не грохнулся еще?

– Да еще летает. Правда, поизносился, – беспечно улыбается аким.

– Ты быстрее освобождайся от него. В России такую технику давно отправили бы на металлолом. Не говори, что я не предупредил. Аллах милостив, но вертолет тот вот-вот рухнет. Наверное, достаточно в этой области денег купить новый. Не знаю, как другие, но ведь богатый Атырау может позволить себе такую покупку, – сказал космонавт.

Аким замолчал. Он, очевидно, позабыв о свершенных делах, был озабочен вопросами газификации 38 аулов, прокладкой новых и ремонтом существующих автодорог, скорейшим пуском еще простаивающих заводов, строительством жилья в Сарыкамысе, компьютеризацией школ, возрождением культурных центров, улучшением экологии края, а также другими проблемами, для разрешения которых нужно найти средства, поэтому ему не хотелось думать о каком-то новом вертолете.

В ГОСТИ К КЕНШИЛИКУ

Студенческая пора. Во время перерыва мне передали:

– Тебя зовет поэт Кеншилик Мырзабеков.

Я вышел к нему, рядом с ним был наш студент со старшего курса.

– Улкаш, есть деньги, – спросил он. – Если есть, то пошли с нами.

– Что делать с занятиями?

– Сегодня пропусти. Мы это проходили. Зачем поэту много знаний?... Они закрепощают, потом не сможешь писать хорошие стихи.

Это было время пика популярности Кеншилика. Правда, он много лет ходил в заочниках, так и не завершив учебу на нашем факультете. Но он постоянно подогревал интерес к себе, поэтому часто можно было услышать всевозможные байки о нем. К примеру, в студенческой среде ходили слухи о том, что, якобы, Кеншилик сказал Олжасу Сулейменову: «Эй, Половецкий край, иди сюда!». А Олжас ему ответил: «Иди отсюда!». Или другая байка: «Кеншилик прочитал несколько своих стихов, и Мукагали, оказывается, ему сказал: «Мальчик, у тебя прорезался зуб, ты уже лепечешь, а мой язык уже скручивается». Подобные слухи, толки о нем распространялись регулярно.

Кенке повел нас в кафе «Гармошка». С удовольствием потягиваем пенистое пиво и впитываем в себя яркие метафоры, представляя в своем воображении образный ряд мырзабековских стихов. Кеншилик читает стихи по-своему особо, мелодично, нараспев. При этом ритмично покачивается, находясь в легком трансе, он вот-вот сползет со стула.

Светло-желтое лицо поэта покрывается пурпурным цветом, темно-серые волосы продолжают колыхаться в такт стихам. Его поэзия –

насыщенная словообразами картина с национальным колоритом. Чудесный язык. «Анар», «Қарлыгаш дәурен», «Әубәкір», «Қайрақ», «Желдер»... Сколько замечательных мырзабековских творений.

Я вместе со своими стихами прочитал и его, начинающее со строки: «В сорок первом, помню, году...».

В сорок первом, помню, году был на току.

Вел, помню, телку годовалую на поводу.

В руках ни острого серпа,

помню, ни оселка.

Оказалось,

зря тащился из крайнего дома села.

Вечерами холодно в нашей суровой степи.

На убранном поле стемнело давно.

Кайролла, дружище мой давний, терпи...

– Кенке, – спросил его, – это твои стихи?

– А кого же еще?

– Если в сорок первом году ходил на зерноток, то какого года ты рождения?

– Это ведь картина войны, тыла...

– Ты разве родился не после войны? Получается, еще не родившись, ходил на зерноток?

– Это стихотворение я написал в шестнадцать лет. Это – реальность жизни, испытанная многими. Когда предыдущее поколение раскрывало темы войны и тыла, то и я, подражая им, соревнуясь с ними, сказал свое

слово. У меня немало стихов на эту тему. Хотя и не видел войну своими глазами, о ней слышал, услышанные от ее участников рассказы и факты глубоко взволновали меня.

Так сидели долго. То похвалим, то покритикуем друг друга.

– Хорошо знающий казахский язык поэт после меня это только ты. «Ырдуан арба» – сильная вещь. Однако это слово (выражение) заимствовано у меня. Оно употреблено в одном из моих стихов, – сказал Кеншилик.

– Такие стихи у тебя не читал. «Ырдуан арба» – это выражение нашего аула, – не сдавался я.

– Признайся. Признайся, что заимствовал. Не только ты, даже сам Мукагали признавался в том, что брал у меня кое-какие слова, – настаивал Кеншилик. Затем заспорили мы по поводу еще одного слова. Да так заспорили, что успели даже хорошенько переругаться. Под конец все же мы утихомирились, нахваливая друг друга, обоюдно похлопывая по спине, обмениваясь высокопарными фразами.

Затем Кеншилик ага сменил осанку советского поэта на вальяжно-горделивую позу, закинув скрещенную ногу на стол. На писклявое возмущение официантки он не реагировал, хотя ее истеричный крик мешал нам расслабиться.

– Убери ноги со стола, – сказал ему.

– В Америке в ресторанах сидят так. Не видел разве в кино? В недавнем прошлом Есенин вел себя так. Если хочешь быть настоящим поэтом, нужно пить, скандалить. Разве спроста написал Кадыр ага: «Поэту нужен ум, нужна еще немного и строптивость».

В конце концов нас выпроводили из кафе. Выпроводили, мягко сказано.

Наш сотоварищ Ермек Азимбаев, сославшись на дела, попрощался. Я тоже было собрался в общежитие, но Кеншилик и не думал меня отпускать.

– Твоя женге Зинура уехала в аул. В доме никого. Пообщаемся, почитаем стихи, поспим, наконец. Завтра пойдешь на занятия из нашего дома. Пошли со мной, – не отпускал он меня.

Кеншилик жил на развилке. Сойдя с автобуса, мы тут же заглянули в закусочную. Неторопливо выпили вина. Вдруг в поле зрения Кенке попал пожилой мужчина, он вцепился в него как клещ.

– Аға, давайте познакомимся.

Мужчина называет свое имя, Кеншилик тут же забывает, спрашивает снова. Не замечая, что становится назойливым:

– Аға, послушайте стихи, – приближается он к незнакомцу.

– Дорогой, я ничего не понимаю в стихах, – отбивается тот как черт от ладана.

– Тогда давайте поговорим, – настаивает он.

– Я не знаю, о чем нам говорить.

– Если Вы не знаете, я буду рассказывать, а Вы слушайте.

Этот пожилой человек стал пересаживаться со стула на стул. Куда бы он ни сел, Кеншилик за ним. На мои замечания: «перестань, не надо» – никакой реакции. Тут жертва чрезмерно «общительного» поэта выскочил на улицу. Мы за ним.

Кеншилик попытался по-дружески приобнять его:

– Аға, почему убегаете? Бойтесь? Вы не бойтесь нас. Мы никому не делаем зла. Мы безвредные бедолаги. Не бойтесь. Драться не умеем. Падаем от одного удара. Давайте пообщаемся, побеседуем, – не переставал Кеншилик.

Неожиданно пожилой незнакомец воспрял духом, приосанился:

– Что? Не умеешь драться? Что тогда пристаешь?! В рот твоего отца...! Хочешь, одним ударом уложу тебя?! – набычился он, агрессивно сжав кулаки. Мы с Кеншиликом засмеялись. Необщительный ағай постоял-постоял, плюнул и, повернувшись, резко удалился.

Теперь мы идем в съемную квартиру Кеншилика. По узкой улице нас догнала и стала обходить молодая симпатичная женщина, держа за руку мальчика. Позади шел ее здоровенный муж, неся закупленные продукты. Кеншилик, не заметив его, схватил за кисть проходившую рядом женщину.

– Девушка, давайте познакомимся, – начал «клеиться» к ней поэт. Она от неожиданности потеряла дар речи, тщетно пытаясь высвободить руку.

– Кенке, отпусти ее, она с мужем, – говорю ему, но он не слышит.

Тем временем мужчина поравнялся с нами, поставил вещи на землю:

– Эй, что тебе нужно?! – вмешался он. Кеншилик, который был выше меня ростом, смотрелся верблюжонком рядом с джигитом. Увидев нависшую над ним громадную фигуру, поэт тут же выпустил нежную руку.

– Е, это, оказывается, ваша жена? – произнес он растерянно, на глазах приходя в себя. Тут завизжала женщина, оттаскивая мужа. Здоровый, косая сажень в плечах, такой исполин не успел толком разозлиться. Бог миловал, иначе нам двоим было несдобровать.

Так под вечер, наконец-то, дошли до дома Кеншилика. В отдельной комнате он расстелил мне постель. Сам улегся в другой. Меня не хватило на долгую беседу, намаявшись за день, уснул мертвым сном.

С трудом открываю глаза, меня будит Кеншилик. Не хочу вставать, в голове гудит. Откуда-то издали доносится слабый женский голос.

Кеншилик, наклонившись, шепчет мне в ухо:

– Улкаш, быстро вставай, приехала Зинура. Ты теперь уходи.

– Как уходи? – спрашиваю полусонным голосом. Сколько времени?

– Сейчас час ночи. Успеешь на последний автобус. Выйдем на улицу.

Протирая глаза, выхожу во двор. Что-то бормочет, оправдываясь, Кеншилик.

– Зинура, оказывается, отправила телеграмму, чтобы я ее встретил. Телеграмма пролежала в почтовом ящике. Я ее не видел. И Зинура с тяжелым грузом из аула еле добралась до дома. Очень сердита на меня, за то, что не встретил ее. Спросив: «Кто это твой пьяный?», чуть не бросилась на тебя. (Тогда мне было двадцать лет: я был без бороды с длинными волосами. Бог знает, с кем она могла меня перепутать в сумерках?) Пока не начались скандалы, возвращайся в общежитие. Если запомнил закусочную, то найдешь и автобусную остановку.

– На какой она стороне?

– По этой улице пойдешь прямо, пройдя два переулочка, повернешь налево, на следующей будет справа остановка, а слева закусочная...

– Ладно... Ну, хорошо, – произнес я грустно, исчезая в объятиях глубокой ночи.

Озираясь на темных улицах «Развилки», я заблудился. На мою просьбу подсказать дорогу, несколько пьяных парней накинулись с кулаками. Пару ударов попало мне в лицо. Помогли занятия спортом на младших курсах, отчаянно отмахиваясь, с большим трудом удалось спастись бегством. Долго шел наугад. Хотя бы одно такси встретилось на пути... Так, под утро добрал до автовокзала «Саяхат», где попытался свое разукрашенное лицо привести в порядок. Затем в зале ожидания пассажиров удобно расположился и поспал.

Спустя неделю, когда мои распухшие губы и разбитые брови более-менее зажили, Кеншилик опять пришел к нам в учебный корпус. Если не изменяет память, в то время он работал в газете «Жетысу». Вместе с поэтом Журсином Ермановым он учился заочно и никак не мог закончить университет.

– Где ходишь? Почему не связываешься со мной? – сказал он, явно провоцируя меня.

– Как ты ... сегодня вспомнил обо мне?

– Что заблудился тогда?

– Пришел бы сразу на мои сороковины, – сказал я.

– Я же тебе объяснил...

– Почему не поинтересовался: «Жив ли? Как добрался?». Или подумал: «Прошло ровно семь дней, наверное, дают поминальный обед по усопшему Улкашу» и пришел. Ты ведь меня чуть ли не силком затащил к себе, а в полночь выставил на улицу. В ту ночь меня чуть не убили. Избили до крови.

– Виноват. Как женгей твоя подняла хай-вай, у меня мозги набекрень пошли. Я ведь тоже спросонок не соображал, что делал. Еще «разогретый»... После покаялся, не надо было тебя отпускать... Пошли, выйдем...

– Да, чтобы я не видел порог твоего дома, – сказал я в гневе.

Но, как говорят, не говори гоп, пока не перепрыгнешь...

КЕНШИЛИК И «КЛЕОПАТРА»

Когда работал в издательстве «Жазушы», я был утвержден редактором книги Кеншилика. Загруженный делами, он все не мог выбрать время для приведения в порядок своей рукописи. Однажды я ему напомнил:

– Кенке, помнишь, еще давно ты читал стихотворение «Қарлығаш дәуірі»? Ни в одном твоём сборнике его нет? – спросил я.

– Его никак не могу опубликовать. Каждый раз изымают это стихотворение.

– Тогда включай его в свою рукопись, я издам. Ведь оно – классика, – сказал я. Он обрадовался, как дитя.

О, чудо!

Мы у волшебного мира в объятиях.

Жаль у жизни нашей короткий век.

Сорвавшись, не плачем

Земли любовью объаты.

Она не забросит нас в небо обратно.

– Ну что в нём опасного, чего осторожничают, – не пойму, ведь нет ничего противозаконного.

– Не знаю, но после того, как сняли с двух-трех моих готовившихся к изданию книг, я перестал это стихотворение предлагать к печати.

– Не переживай, издадим, – успокоил я его уверенным голосом. После этого Кеншилик воодушевился, в короткий срок подготовил рукопись. Книга вышла в свет под названием «Замандасқа сыр» («Современнику по секрету»). В неё были включены также несколько стихов, ранее не

допущенных к изданию. Кеншилик был доволен. Хотел «обмыть» свое творение, но это мероприятие по разным причинам все откладывалось.

Однажды, выстояв длиннющую очередь в кинотеатре «Алатау», еле-еле купил два билета на знаменитый голливудский фильм «Клеопатра». Обрадованные такой удачей, мы с женой только успели выйти из кассы, как встретили Кеншилик аға. Он был, как джинн, выпущенный из бутылки:

– Как хорошо, что рядом с тобой келин! О кино забудьте, поехали к нам в гости, – сказал он сходу.

Когда осталось всего ничего до просмотра долгожданной, желанной киноленты, мы начали дружно отказываться от приглашения. Но разве Кенкен уgomонится? Как мы ни пытались сопротивляться, он, вырвав из рук так трудно доставшиеся нам билеты, тут же обрадовал ребят, страстно желавших посмотреть «Клеопатру». Нас же он заставил окончательно забыть о ней. Кеншилик, не церемонясь, взяв нас под руки, потащил на улицу. Ему не было дела до наших аргументов.

«Сегодня откажешься от приглашения, завтра будешь жалеть об этом», – угрожал нам Кеншилик. Он неожиданно быстро поймал такси, что по тем временам было редкостью. И мы помчались к нему домой.

Уже вечерело, когда заехали во двор.

– Вы заходите, я сейчас вернусь, – сказал он, выходя из машины, и рванул куда-то. Мы остались стоять во дворе многоэтажного, многоподъездного дома. Стоим, словно у Великой китайской стены. А Кеншилик даже забыл сказать нам номер квартиры.

– Дом знаю, сейчас найду. Четвертый или пятый этаж, должно быть, – успокаиваю жену. Однако, как найдешь? Все выветрилось из памяти. Не у кого спросить, все дома, за семейным столом. Сумерки. В подъездах темно. У редких встречных спрашиваем: «Где живет поэт Кеншилик Мырзабеков?». Не получаем внятного ответа. Не сходяв на долгожданную «Клеопатру», на премьеру которой так долго собирались, к тому же лишенная с таким трудом доставшихся билетов, моя половинка из состояния легкой обиды перешла в состояние истерики. Я почувствовал себя между двумя огнями.

Мы простояли полчаса. Не видно было и Кеншилика. Угнетало то, что оставил нас во дворе, ничего толком не объяснив. Сколько можно ждать? Обзвонили все квартиры. Все пять этажей обошли дважды. Жена моя, собиравшаяся скоро стать матерью, очень устала. Отчаявшись, мы

всё еще стояли во дворе. И через какое-то время рядом с нами остановилось такси. Мы сели без слов в освободившуюся машину и напрямик поехали домой. Ни кино, ни застолья. Ни удовольствия от голливудского шедевра, ни общения с поэтом. Расстроенные и уставшие вернулись домой. «Больше ни ногой в дом Кеншилика», – поклялся я сам себе.

На следующий день звонит на работу обиженный Кеншилик:

– Вчера, куда испарились? Нигде не мог вас найти?

– Куда сам подевался?

– Направив вас домой, я побежал в магазин, который вот-вот должен был закрыться. В доме не было водки. Директор магазина – молодая женщина, пока ее обхаживал, оказывается, забыл о времени. Чуть засиделся у нее. Две бутылки коньяка, палку сервелата взял, пришел домой, а вас нет.

– Значит, не суждено. И как можно приглашать в гости, не закупив к дастархану продукты? Хотя бы сказал номер квартиры.

– Когда-то вы с Иранбеком в полночь нашли нашу квартиру. Думал, ты знаешь номер. Только по дороге вспомнил, что дома нет спиртного. Если так, то давай сегодня приезжайте к нам. Все готово. Лучше поздно, чем никогда.

– Давай-ка довольствоваться тем, что имеем, Кенке. Сегодня мы идем на «Клеопатру».

– Ну, тогда завтра...

– Не-нет, спасибо. Мы и завтра пойдем на «Клеопатру»! – успокоил я его.

Итак, в нашей алматинской жизни Кеншилик и Клеопатра оказались несовместимыми.

Улугбек ЕСДАУЛЕТ, поэт